

Т. Ю. Юренева

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ КАБИНЕТЫ XVI–XVII ВЕКОВ*

В XV–XVI вв. ветер перемен принес в Средневековье новые идеалы и ценности, на основе которых в западноевропейских странах сформировалась культура Возрождения, или Ренессанса. Она уже не укладывалась в узкие рамки церковно-аскетической морали и сословно-корпоративных связей. Светское начало в ней уверенно утверждало свое право на самостоятельное развитие, а в новой системе духовных ценностей эпохи на первый план выдвинулись идеи гуманизма, утверждавшие высокое предназначение человека в мире, его право на свободу, счастье и всестороннее проявление своих творческих способностей.

Одним из следствий той жажды знаний, что отличала личность в эпоху Возрождения, стал бурный расцвет коллекционирования, поворотной вехой в развитии которого стал XVI в., поскольку он ознаменовался рождением учреждений, ныне называемых музеями. Их облик и назначение не вполне соответствовали современным канонам музейного учреждения, им еще предстояло пройти долгий путь по лабиринтам истории, прежде чем они обрели ту форму социокультурного института, которую мы привычнее воспринимаем в качестве музея. На ранних же этапах своей истории музей предстает перед нами в облике галерей и кабинетов, причем грань между категориями размещавшихся в них коллекционных образцов носила в ту пору достаточно размытый характер.

Галерея представляла собой удлиненный обширный зал, одну из продольных стен которого прорезывал сплошной ряд больших окон. Простор и обилие света делали ее наиболее удобной архитектурной постройкой для размещения картин и скульптуры, которые становились при этом частью декора. Кабинет был гораздо меньшим по размерам квадратным помещением, в котором хранились разного рода редкости, естественно-научные образцы и произведения искусства небольшого формата. Изначально кабинетом называли ларец или шкафчик с множеством маленьких выдвижных ящичков, в которых было удобно держать документы, украшения, драгоценности. Такая конструкция как нельзя лучше подходила и для хранения античных монет, гемм, ювелирных изделий, мелкой пластики, естественно-научных образцов, чем не преминули воспользоваться коллекционеры. В дальнейшем и сама комната, обставленная этим типом мебели, стала называться кабинетом¹.

---

* Статья опубликована в журнале «Вопросы истории, естествознания и техники». 2002. № 4. С.765–786)

В немецком языке в качестве синонима к слову «кабинет» использовалось слово «камера» — *kammer*. Самостоятельно оба термина употреблялись довольно редко и обычно входили в состав сложных слов, первая часть которых говорила о характере собрания: *Munzkabinett* — кабинет монет и медалей, *Naturalienkabinett* — естественно-научный кабинет, посвященный животному и растительному миру, *Antiquitatekammer* — кабинет древностей, *Shatzkammer* — сокровищница, где находились изделия из драгоценных камней и металлов, *Wunderkammer* — кабинет редкостей природы, *Kunstkammer* — кабинет искусства, в который помещали необычные «творения рук человеческих» и редкие «создания природы». Грань между содержимым таких кабинетов носила весьма условный и неопределенный характер. Например, художественно обработанную раковину наутилуса можно было встретить как в вундеркамере, так и в кунсткамере. Ту же раковину, но одетую в оправу из драгоценных камней, одни владельцы держали в кунсткамере, другие же — в шатцкамере.

Итак, существовали кабинеты, ориентированные на художественные изделия, создавались и кабинеты, включавшие преимущественно объекты природы, однако «классический» кабинет XVI в. — это собрание всех категорий предметов, которые в своей совокупности как бы воспроизводили мир в миниатюре. Но при этом акцент делался на уникальные и необычные вещи, поскольку считалось, что именно они лучше остальных передают многогранность и разнообразие мира. Это могли быть хрустальные сосуды в виде фантастических зверей, чернильницы из морских раковин, причудливой формы вазы, чаши, кубки и другие искусно сделанные предметы из золота, серебра, кости, янтаря, воска и стекла. Среди образцов, облик которых не соответствовал существовавшим в то время представлениям о заурядном, было немало предметов одежды, быта и верований племен и народов Азии, Северной Африки, Америки.

В состав универсального кабинета непременно входили образцы флоры и фауны далеких стран и континентов: чучела экзотических птиц и зверей, яйца страусов и черепах, зубы акулы, бивни слонов и мамонтов, кости ископаемых животных, раковины моллюсков, кокосовые орехи, минералы, различного рода окаменелости, образцы полудрагоценных камней и самородки металлов, янтарь и кораллы. Некоторые из образцов особенно ценились за приписываемые им медико-магические свойства. Колдовской силой наделяли, например, мандрагору — средиземноморское наркотическое растение семейства пасленовых, толстый прямой корень которого внешне иногда напоминал человеческую фигуру. Существовало поверье, будто мандрагора, когда ее выкапывают из земли, кричит так пронзительно, что можно умереть от ужаса. В особом почете у коллекционеров были и безоаровые камни, или безоары, — плотные образования в желудках жвачных животных,

чаще всего бородатых (безоаровых) козлов. Они встречаются очень редко, поскольку их возникновение обусловлено особой диетой — качеством пищи и режимом питания. Безоарам приписывали свойства противоядий, их высоко ценили и часто помещали в роскошные золотые оправы².

Наряду с чучелами и фрагментами реально существовавших животных в ренессансных собраниях нередко встречались и мистификации, созданные умелыми фальсификаторами: «семиголовая гидра» или же «василиск» — существо с головой и крыльями петуха, а туловищем змеи. Но особо желанным для каждого богатого коллекционера был «рог единорога», который считали сильным противоядием и магическим средством защиты от наемных убийц. В средневековом искусстве единорог часто изображался в виде белого грациозного существа с закрученным спиралью рогом на лбу. У него были голова, грива и тело лошади, хвост льва и рассеченные копыта антилопы. За рог этого в действительности не существовавшего животного обычно выдавали рог носорога или нарвала, морского млекопитающего семейства дельфиновых. Продавали его за баснословные суммы. Известно, что флорентийский банкир и коллекционер Лоренцо Медичи приобрел «рог единорога» за 6 тыс. флоринов, в то время как за картину Яна ван Эйка «Святой Иероним» он заплатил 30 флоринов, а за работу скульптора Дезидерио да Сеттиньяно и того меньше — всего 3 флорина³.

Постепенно в общественном сознании эпохи богатые коллекции стали ассоциироваться с величием, титулами и властью, а пышность и великолепие европейских дворов оценивались уже не только по роскоши приемов, но и по наличию собрания красивых, диковинных и экстравагантных вещей, иными словами — кабинета редкостей, который в центральноевропейских странах чаще назывался кунсткамерой. Выполняя прежде всего представительские функции, он вовсе не являлся хаотичным и бессистемным нагромождением различного рода дорогих предметов. В принципах отбора коллекционных образцов и порядке их размещения присутствовали и концепция, и система, а сами кунсткамеры подвергались сложной философской интерпретации. Различные категории представленных в них предметов — природных образцов и «творений рук человеческих» — олицетворяли собой образ «всего сущего», они экспонировались с глубоким символическим подтекстом и считались отражением универсума. При этом императорские и княжеские кабинеты нередко несли дополнительную смысловую нагрузку: владение микрокосмом кунсткамеры символизировало верховную власть в большом и реальном мире⁴.

Параллельно с кабинетами редкостей в ренессансной Европе, прежде всего в Италии, получил развитие и другой тип кабинета — естественно-научный кабинет, который создавался усилиями естествоиспытателей, врачей и аптекарей. Он был вызван к жизни не

целями представительства, а профессиональными интересами, поэтому имел ряд принципиальных отличий и в характере собрания, и в его трактовке, и в его использовании.

К эпохе Возрождения восходят истоки мощного движения, в корне изменившего представление о мире и человеке и потому получившего название научной революции. Заложенный в нем потенциал полностью раскрылся лишь в XVII в. в трудах Галилея, идеях Бэкона и Декарта, а к концу столетия нашел свое достойное завершение в деятельности Исаака Ньютона. Но точкой отсчета в этом более чем вековом процессе обретения наукой своих собственных категорий, методов, способов мышления и институтов стали астрономические открытия Коперника, положившие начало разрушению космологии Аристотеля — Птолемея. Новые теории меняли образ не только мира, но и науки, которая постепенно обретала автономию от религиозной веры и философских концепций. Шаг за шагом она переставала быть простым комментарием к признанным авторитетам древности или частной интуицией посвященных — астрологов и магов, а научные знания стали квалифицироваться как таковые, когда они создавались на основе чувственного опыта.

Этот новый тип знания, объединяющий теорию и практику, науку и технику, получаемый и контролируемый с помощью эксперимента, нуждался не только в своем специальном языке, но и в специфических институтах — лабораториях, академиях, международных контактах, позволяющих осуществлять методологическое регулирование и общественный контроль над гипотезами, теориями и информационным потоком. Ключ к исследованию и раскрытию тайн окружающего мира многие естествоиспытатели видели в коллекционировании и кабинетах натуральной истории.

Уважительно относясь к древним авторитетам, прежде всего к Аристотелю и Плинию Старшему, ренессансные натуралисты не могли не ощущать того, что созданные в античную эпоху описания природы не вполне адекватны реальности и нуждаются в существенной корректировке с учетом данных, полученных в результате открытия новых земель и континентов. Знания о природном мире больше не умещались в рамках канонических текстов, и, чтобы контролировать все возрастающий поток естественно-научных образцов и приносимых ими новых данных, требовались специальные хранилища — кабинеты и ботанические сады. Их деятельность призвана была формировать новую философию природы, основанную в большей степени на эксперименте, нежели на эрудиции.

Дополнительным импульсом к развитию естественно-научных кабинетов служил подход к природе как к необъятному вместилищу лекарственных средств — *materia medica*. Естественная история стала важным компонентом медицинского образования, что проявлялось в реформировании учебных планов медицинских факультетов многих университетов. К концу XVI столетия ни один из соискателей не мог получить медицинскую

степень без соответствующих знаний о свойствах лекарственных трав, и в этих обстоятельствах ботаническим садам и кабинетам отводилась роль своего рода учебных центров⁵.

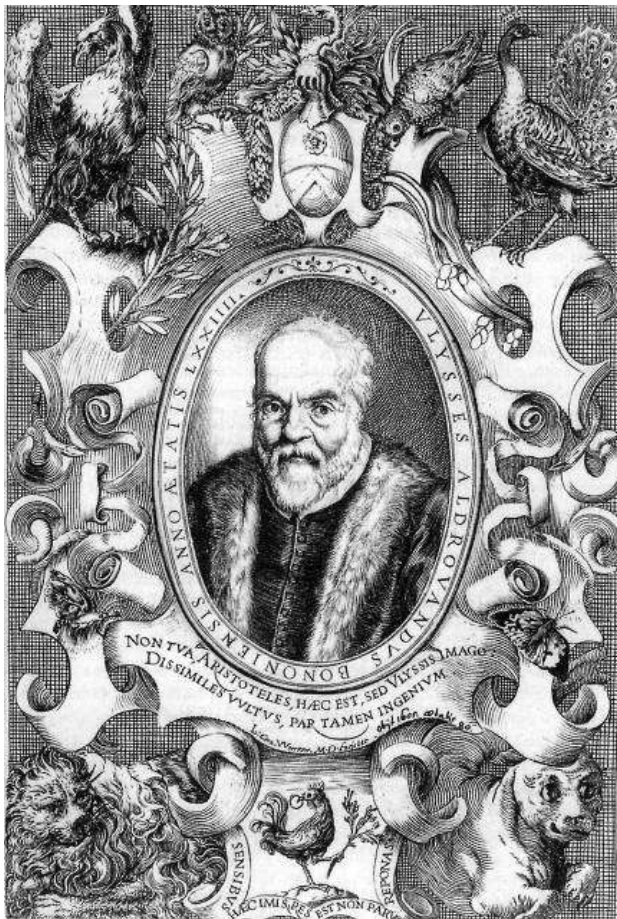
Естественно-научное коллекционирование становилось также важным условием карьерного роста практикующих врачей и аптекарей. Кабинет поднимал профессиональный авторитет владельца в медицинском сообществе и повышал его престиж среди пациентов: они своими глазами могли увидеть входившие в состав предлагаемого им лекарства редкие ингредиенты, с которыми, в первую очередь, и связывалась его эффективность.

Среди ранних естественно-научных кабинетов самый знаменитый принадлежал швейцарскому естествоиспытателю Конраду фон Геснеру (1516 —1565), автору первой зоологической энциклопедии «История животных». Этот труд, сыгравший большую роль в распространении и систематизации зоологических знаний, в значительной своей части был создан автором на материалах собранной им коллекции, которая включала не только образцы животного мира, но и растения, минералы, металлы⁶. Владельцем ценнейшей минералогической коллекции был немецкий ученый Георг Агрикола (1494 —1550), богатейший гербарий собрал итальянский медик и естествоиспытатель Андреа Чезальпино (1519 —1603)⁷.

Естественно-научные кабинеты появились в ряде европейских стран, но в авангарде шла Италия, где, по некоторым подсчетам, в XVI в. существовало не менее 250 естественно-научных кабинетов, или *museo naturale*, как их нередко называли уже в тот период⁸. Особой известностью среди них пользовался кабинет знаменитого естествоиспытателя Улисса Альдрованди (1522 —1605), размещавшийся в нескольких комнатах его фамильного дворца в Болонье. Прославленный исследователь задался целью собрать, описать и проиллюстрировать все многообразие мира природы, при этом недоступные для коллекционирования экзотические образцы он счел возможным заменить реалистическими живописными изображениями. В течение 30 лет он пользовался услугами художников, не скупясь оплачивать работы дорогих мастеров, и к 1595 г. его кабинет насчитывал примерно 8 тыс. темперных изображений представителей флоры и фауны, которые служили визуальным дополнением к 7 тыс. засушенных растений и 11 тыс. образцов животного мира, минералов и фруктов⁹.

Сам Альдрованди гордо называл свое детище «восьмым чудом света», а современники выражали восторг и благоговение по поводу его коллекционерских способностей. Подвешенные к потолку и на стены, засушенные и помещенные в стеклянные емкости, экспонаты манили посетителей и вызвали удивление, что такое их обилие можно собрать и разместить в едином пространстве. Грандиозность замысла ученого поражала и

воображение коллег. Все они, занятые реализацией своих собственных энциклопедических проектов, тем не менее, признавали его кабинет лучшим в Европе и «самым обширным микрокосмом природы» того времени, полагая, что соперником Альдрованди мог выступать только Конрад Геснер, чьи столь же амбициозные планы оборвала безвременная смерть.

Улисс Альдрованди в образе Аристотеля. 1599 г.

Однако кабинет Альдрованди был не единственной достойной внимания естественно-научной коллекцией. В Вероне той поры славился кабинет Франческо Кальчолари (1521–1600), в Риме — Микеле Меркати (1541–1593), в Неаполе — Ферранте Императо (1550–1625). При всей индивидуальности, присущей каждому из естественно-научных кабинетов, их объединяла определенная совокупность черт, принципиально отличающая их от других музейных учреждений эпохи.

Прежде всего, они появились на свет не в целях представительства, а в связи с профессиональной деятельностью и интеллектуальными запросами своих создателей. Альдрованди был профессором натурфилософии в Болонском университете и директором Болонского ботанического сада, Меркати не только занимал должность врача при папском дворе, но и выполнял обязанности смотрителя ботанического сада в Ватикане, а Кальчо-

лари и Императо принадлежали самые известные аптеки Вероны и Неаполя. В соответствии с веяниями времени в их кабинетах можно было встретить произведения искусства, древности, предметы культурного и повседневного обихода неевропейских народов, однако не они определяли характер этих собраний, состоявших преимущественно из систематизированных естественно-научных образцов.

Принципиально иной была и трактовка этих собраний, воспринимаемых не как модель мира, а как инструмент для всестороннего исследования природы. Здесь не было попыток воссоздать с помощью символов и аллегорий всю существующую реальность, в принципах подбора и расположения материала отсутствовал характерный для кунсткамер скрытый идеологический и символический подтекст. Вместо него в пределах каждого «царства природы» использовалась та искусственная классификация животных, растений и минералов, что была принята в ренессансной науке, в фармацевтической и медицинской практике.

Шкаф для хранения естественно-научных образцов в кабинете Микеле Меркати. Гравюра из труда М. Меркати «Металлотека». опубликованного в Риме в 1717 г.

Соответственным образом выглядел и интерьер кабинетов. Два шкафа с 4554 выдвижными ящичками в кабинете Альдрованди задумывались как своего рода картотечные шкафы, где место каталожных карточек занимали природные образцы. Кабинет Меркати в Ватикане заполняли сплошные ряды стоящих вдоль стен пронумерованных шкафов, в верхней части каждого из которых имелась надпись о содержимом: «золото и серебро», «медь», «свинец», «почвы», «камни из внутренностей животных», «мрамор», «геммы» и т. п.¹⁰

Вместе с тем естественно-научные кабинеты отражали и некоторые характерные черты культуры позднего Возрождения, явственно проявившиеся во всех музейных учреждениях того времени. Речь идет прежде всего о любви к раритетам, ко всему странному и причудливому. Ставя задачу исследовать мир природы во всем его многообразии, натуралисты, конечно же, включали в свои коллекции образцы местной флоры и фауны, порой весьма невзрачные. В то же время пристрастие к редкому и необычному, вступая в противоречие с изначальными исследовательскими замыслами, давало знать о себе весьма ощутимо. Отчасти это можно объяснить тем, что именно редкости и диковины распространяли славу о коллекции за пределы научного мира и поднимали ее престиж в общественном мнении. Например, посетители, толпами стекавшие в кабинет Альдрованди, интересовались, прежде всего, «драконом», убитым в округе Болоньи в 1572 г. и подробно описанным самим естествоиспытателем. Этот «дракон или змея с крыльями и ногами», иллюстрации которого украшали некоторые издания, даже в конце XVII столетия продолжал оставаться, по словам современников, самым интересным экспонатом среди «712 природных редкостей в небольших стеклянных емкостях с этикетками», находившихся в музее Альдрованди¹¹.

Сходство естественно-научных кабинетов с другими музейными учреждениями эпохи проявлялось и в том, что демонстрация образцов природного мира нередко подчинялась в них тем же эстетическим принципам, что и экспонирование произведений искусства. Объекты натуральной истории стремились расположить симметрично, причем так, чтобы они создавали «приятный вид». Один из распространенных приемов создания подобной симметрии заключался, например, в том, что коллекционные образцы распределялись на плоскости стен тематическими группами, визуально уравнивающими друг друга. Внутри каждой из групп была своя «микросимметрия», состоявшая в том, что похожие предметы никогда не помещались рядом, а всегда чередовались с внешне отличными экспонатами¹².

*Музей Ферранте Императо.
Фронтиспис сочинения Императо «Естественная история». Кн. XXVIII. Неаполь, 1599.*

Собрания естественно-научных кабинетов тщательно изучались, о чем свидетельствуют каталоги коллекций, появившиеся в конце столетия. Научная продукция, созданная Альдрованди на основе материалов его коллекций, составила свыше четырехсот томов, полностью издать которые при жизни ученого не позволяли имеющиеся в то время возможности. В 1603 г. он завещал свой кабинет Сенату Болоньи при условии продолжения публикации его трудов, и на протяжении первой половины столетия воля естествоиспытателя неукоснительно выполнялась, хотя в полном объеме рукописное наследие ученого напечатано не было. Масштабы проделанной Альдрованди работы поражали воображение и современников, и потомков: казалось, будто он прожил не 83 года, а несколько столетий. Максимилиан Миссон, путешествуя по Италии в 1687 г., писал:

«В [Палаццо Публико] мы увидели Кабинет Редкостей Альдрованди. К нему присоединен и кабинет маркиза Коспи, и оба они принадлежат городу. <...> В обоих кабинетах нет ничего более редкого и удивительного, чем я собираюсь рассказать вам. В одной из палат мы увидели 187 томов ин-фолио, собственноручно написанных Альдрованди, и более 200 мешков с бумагами без переплета»¹³.

Большинство ранних кабинетов, в том числе и принадлежавший Альдрованди, были лишены каких бы то ни было печатных описаний, но уже к концу XVI столетия коллекционеры начинают все активнее публиковать содержимое своих *museo naturale* в виде каталогов. В 1584 г. увидел свет написанный врачом Джованни Баттиста каталог кабинета Кальчолари, рекламирующий обилие собранных в нем лекарственных средств, а в 1599 г. появился каталог кабинета Ферранте Императо. Подобные издания, удостоверяя высокий статус коллекционера и его собрания, нередко становились ценными справочниками для врачей, фармацевтов и ботаников. Написанные самим владельцем, они демонстрировали его эрудицию, написанные другим ученым, они придавали кабинету ореол выдающегося собрания, достойного увековечения.

В отличие от инвентарных описей, содержащих простой перечень предметов, каталоги представляли собой качественно иной уровень публикации собрания, поскольку являлись результатом его анализа и интерпретации, во время которых каждый предмет помещался в определенный контекст — исторический, филологический, компаративный. Создавая каталог, коллекционеры всегда размышляли об этимологии названия предмета, сравнивали его с аналогичными экземплярами, имеющимися в других кабинетах, рассуждали о том, сохраняет или разрушает их образец уже устоявшиеся представления и концепции относительно его медицинских и научных качеств. Описания предмета обязательно содержали сведения о том, откуда и каким путем он попал в кабинет, то есть, говоря современным музейным языком, «легенду предмета». Очень часто это были рассказы о великих деяниях — победе над чудовищем, спуске в кратер вулкана, военных сражениях, визитах высокопоставленных особ.

Допуск в кабинеты посетителей регулировался определенным набором стереотипов, принятых в научной среде и прочно связавших практику коллекционирования с поведением, подобающим воспитанному и благородному человеку. Потребность в общении и взаимной поддержке побуждала людей, чьей страстью стала естественная история, объединяться вокруг предмета их интересов и тем самым создавать некую новую групповую общность. Натуралисты вели активную переписку, обменивались информацией и коллекционными образцами, наносили друг другу визиты, культивируя своего рода научное братство, и именно дружеские узы и постоянные контакты в рамках ученого сообщества открывали возможность беспрепятственного осмотра коллекций.

Обычно в осмотре кабинета не отказывалось никому, кто относился к категории воспитанных и образованных людей, поскольку именно количество посетителей выступало критерием успеха деятельности коллекционера. Кальчолари описывал свой *museo naturale* как место, «где ежедневно собирается бесчисленное [количество] знатоков», что

было ему не только приятно, но и приносило пользу его предпринимательской деятельности. Альдрованди с гордостью сообщал своим корреспондентам, что небольшие группы ученых встречаются ночью в его музее, который также «видели многие достойные люди, бывшие проездом в городе и посетившие Pandechio di natura как восьмое чудо света».

Напротив, Императо горько сетовал на то, что посетители редко бывают в его кабинете, и он чувствует себя в Неаполе, словно на краю земли. В отличие от центральных и северных районов, где проживали Кальчолари и Альдрованди, юг Италии привлекал путешественников в гораздо меньшей степени, сказывалась и отсутствие здесь престижных университетов, куда обычно устремлялись иностранные ученые. Но уже в начале XVII столетия, когда в Риме появилась знаменитая Академия дет Линчеи, с которой Императо установил тесные контакты, его коллекции были востребованы в полной мере¹⁴.

Важнейшим механизмом допуска в естественно-научные кабинеты служили рекомендательные письма, которые подтверждали, что их податель принадлежит к тому же кругу людей, что и владелец коллекций. Обращаясь к Альдрованди в октябре 1561 г., Альфонсо Катанео, профессор медицины и натурфилософии университета в Ферраре, тепло рекомендовал своему коллеге Ридольфо Аргенто.

«Этот человек — объяснял он в письме, — мой дорогой друг, которого я направляю к Вашему Превосходительству по приезду его в Болонью, поскольку он доктор и благородный человек, достойный осмотреть некоторые маленькие вещички, интересующие его. Я знаю, что Вы не откажитесь оказать ему обычную любезность из любви ко мне»¹⁵.

Уникальную возможность установить, кто же посещал естественно-научные кабинеты, предоставляют современным исследователям книги учета посетителей, скрупулезно заполнявшиеся некоторыми из владельцев. Конрад Геснер на протяжении последних десяти лет жизни вел «Книгу друзей», в которой собрал 227 автографов, но его превзошел Улисс Альдрованди, ставший обладателем 1579 автографов. В отличие от своего швейцарского соперника итальянский естествоиспытатель создал две книги. Одна из них, обитая дорогой красной тканью и с золотым обрезом, предназначалась для высокопоставленных особ — князей, герцогов, архиепископов, папских легатов, которые, будучи проездом в Болонье, посещали кабинет и делали собственноручную запись о том, что осмотрели его с большим вниманием и удовольствием. Вторая книга, или «Каталог людей, посетивших наш музей», содержала данные обо всех, кто интересовался естественной историей. Она состояла из сгруппированных по профессиональному, региональному и алфавитному принципам отдельных листков бумаги со сведениями о роде занятий посетителей, их звании или сане, городе или стране, откуда они приехали.

Вместе с тем число 1579 не является абсолютным показателем посещаемости кабинета Альдрованди за последние десятилетия XVI в., ведь некоторые из посетителей не удостоивались записи в книге, поскольку не воспринимались в качестве членов ученого сообщества. Например, среди посетителей кабинета указана только одна женщина — Ипполита Палькотти, названная исследовательницей (*studiosa*). Между тем в 1576 г. в музее побывала и Катерина Сфорца в сопровождении пятидесяти знатных дам и ста пятидесяти патрициев, однако Альдрованди, очень гордясь этим визитом, тем не менее не счел нужным предложить миланской герцогине оставить свой автограф¹⁶.

Как и следовало ожидать, чаще остальных кабинет Альдрованди посещали люди, занятые изучением естественной истории и отнесенные в Каталоге к категории «ученые» (57, 4 %). Среди них были и именитые профессионалы, удостоивавшиеся отдельной записи, и безымянные исследователи, относительно которых помощники Альдрованди ограничивались лишь краткими пометками: «шестеро немецких ученых», «двое испанских ученых», «трое французских ученых». К этой группе посетителей тесно примыкают еще две, в одну из которых вошли обладатели и соискатели ученых степеней (3 %), а в другую — врачи, хирурги, анатомы, аптекари (6 %).

После ученых вторую по многочисленности группу посетителей составляли представители церкви (16,6 %), в том числе иерархи (4,6 %) — папа, кардиналы, архиепископы, епископы. В силу характера своей деятельности духовенство было в то время одной из наиболее мобильных групп населения. Наконец, третье место по частоте визитов прочно удерживали знать, дипломаты и придворные (10,2 %), как и деятели церкви, часто переезжавшие с места на место. Среди любителей проводить досуг в созерцании естественно-научных образцов 5,3 % составляли чиновники, юристы, военные, а 1,5 % — художники, математики, поэты, книготорговцы, печатники, антиквары, ювелиры¹⁷.

Говоря о естественно-научных кабинетах, нельзя обойти и вопрос о том, смогли ли ренессансные натуралисты на основе собранных ими материалов в корне пересмотреть положения античного естествознания? Как убедительно показала в своем фундаментальном исследовании Паула Файндлин, Альдрованди и его современники так и не порвали с древними авторитетами в области познания природы, понимая свою деятельность прежде всего как труд по продолжению работ Аристотеля и его последователей. Поэтому естественно-научные образцы, привозимые из недавно открытых стран и континентов, они включали в старые классификационные схемы.

«...Для них опыт не соперничал с авторитетом, а скорее дополнял и усиливал его, — пишет Файндлин. — Получаемые ими новые данные приводили не к отказу от самого фундамента философских воззрений, а лишь к его модификации». <...> Музей ско-

рее «спасал внешний вид» древних систем, нежели их разрушал». Он «символизировал возрождение натурфилософии Аристотеля и естественной истории Плиния; происходило как бы повторное открытие старого, нежели создание нового»¹⁸.

В XVII в. научная революция вступила в пору своего расцвета, и опытно-экспериментальное исследование природы стало осуществляться в невиданных прежде масштабах, принося выдающиеся открытия в области астрономии, математики, физики, биологии, медицины. Формируя новый тип знания, который в отличие от предшествующего, средневекового, объединял науку и технику, теорию и практику, научная революция создавала и новые его структуры.

В XVII в. наука перестала быть занятием лишь кабинетного ученого-одиночки, и в дополнение к университетам, традиционно находившимся под неусыпным контролем церковных кругов, появились новые формы организации и координации исследовательской работы — академии и научные общества. Эти центры интеллектуального сотрудничества, не знающие государственных и национальных границ, стремились противопоставить непреложной вере в доктрину или школу отдельного ученого, что доминировало тогда в философском и научном знании, иной метод постижения мира, который выносил на суд общественности результаты наблюдений и опытов, убедительно подтверждающих ту или иную теорию. Наряду с лабораториями, обсерваториями, мастерскими, дискуссионными клубами и библиотеками важное место в деятельности этих учреждений заняли естественно-научные кабинеты.

В 1603 г. молодой князь Федерико Чези создал в Риме на свои собственные средства академию, члены которой поклялись познавать природу глазами зоркими, как у рыси, поэтому это новое учреждение получило название Академия деи Линчеи («Академия рысьеглазых»). Помимо библиотеки и ботанического сада при ней был создан естественно-научный кабинет, ведь одной из своих главных задач она ставила изучение природы и демонтаж в естествознании основных положений учения Аристотеля. Многие ее члены — Делла Порта, Касьяно дель Поццо, Франческо Барберини, а также сам Ф. Чези были коллекционерами и владельцами естественно-научных собраний, а в своей исследовательской работе они активно использовали и знаменитый неаполитанский кабинет Ф. Императо. Со смертью Ф. Чези в 1630 г. и осуждением церковью в 1633 г. Галилея, состоявшего ее членом, Академия деи Линчеи фактически прекратила свою деятельность¹⁹.

Недолгим оказался век и Академии дель Чименто (Академии опытов, 1657—1667), основанной во Флоренции ученым-кардиналом Леопольдо Медичи при поддержке брата, тосканского герцога Фердинанда II. В ее состав вошли девять ученых, в той или иной степени связанных с тосканским двором и Пизанским университетом, среди них — ближай-

ший ученик Галилея Винченцо Вавиани, лейб-медик герцога Фердинанда и профессор Франческо Реди, профессор Карло Ренальдини. В работе Академии в качестве членов-корреспондентов принимали участие и иностранцы.

Академия дель Чименто создавалась под девизом «Проверяя и перепроверяя», и ставила своей целью

«исследовать, помимо прочего, практические вопросы, или же то, что сделано или написано другими; ведь, к сожалению, известно, что под именем опыта часто утверждаются ошибки, — рассказывал секретарь Академии Лоренцо Магалотти. —<...> Поскольку высочайшему разуму светлейшего легко понять, насколько доверие к известным авторам портит умы, он решил, что следует проверить точным чувственным опытом ценность этих утверждений и после одобрения или опровержения даровать их всем, кто стремится к открытию истины»²⁰.

Академия проводила опыты по изучению естественного давления воздуха, по искусственному замораживанию воды, по выявлению свойств магнита. Ей приходилось опровергать учение Аристотеля о том, что противоположности усиливают друг друга благодаря соседству: холод — теплоту, а теплота — холод. Она доказывала ложность утверждений о том, будто пропитанный кровью черепахи фитиль лампы производит чудодейственный эффект, а уксус лучше других жидкостей гасит огонь²¹.

В процессе своей работы Академия дель Чименто приобретала и конструировала точные инструменты, необходимые для проведения опытов в различных областях естественной истории — ботаники, зоологии, физиологии, фармакологии, механики, оптики, метрологии. Термометры, гигрометры, часы, весы, микроскопы, астролябии, барометры и прочие приборы составляли основное содержимое этого богатейшего собрания, которое, к сожалению, как единое целое не сохранилось²².

В 1645 г. было основано «Лондонское Королевское общество развития естественных наук», объединившее под своей эгидой ученых, занятых новой, или экспериментальной, философией, и ставившее своей целью простым и лаконичным языком составить «точное описание всех природных явлений». Вскоре в Грэшем-колледже, где регулярно проходили его заседания, был основан естественно-научный кабинет, коллекции которого включали образцы животного и растительного мира, минералы и предметы этнографии. Поскольку членами общества были видные физики и представители других точных наук, в частности, И. Ньютон и М. Мальпиги, приборы и научные инструменты занимали важное и почетное место в собрании кабинета²³.

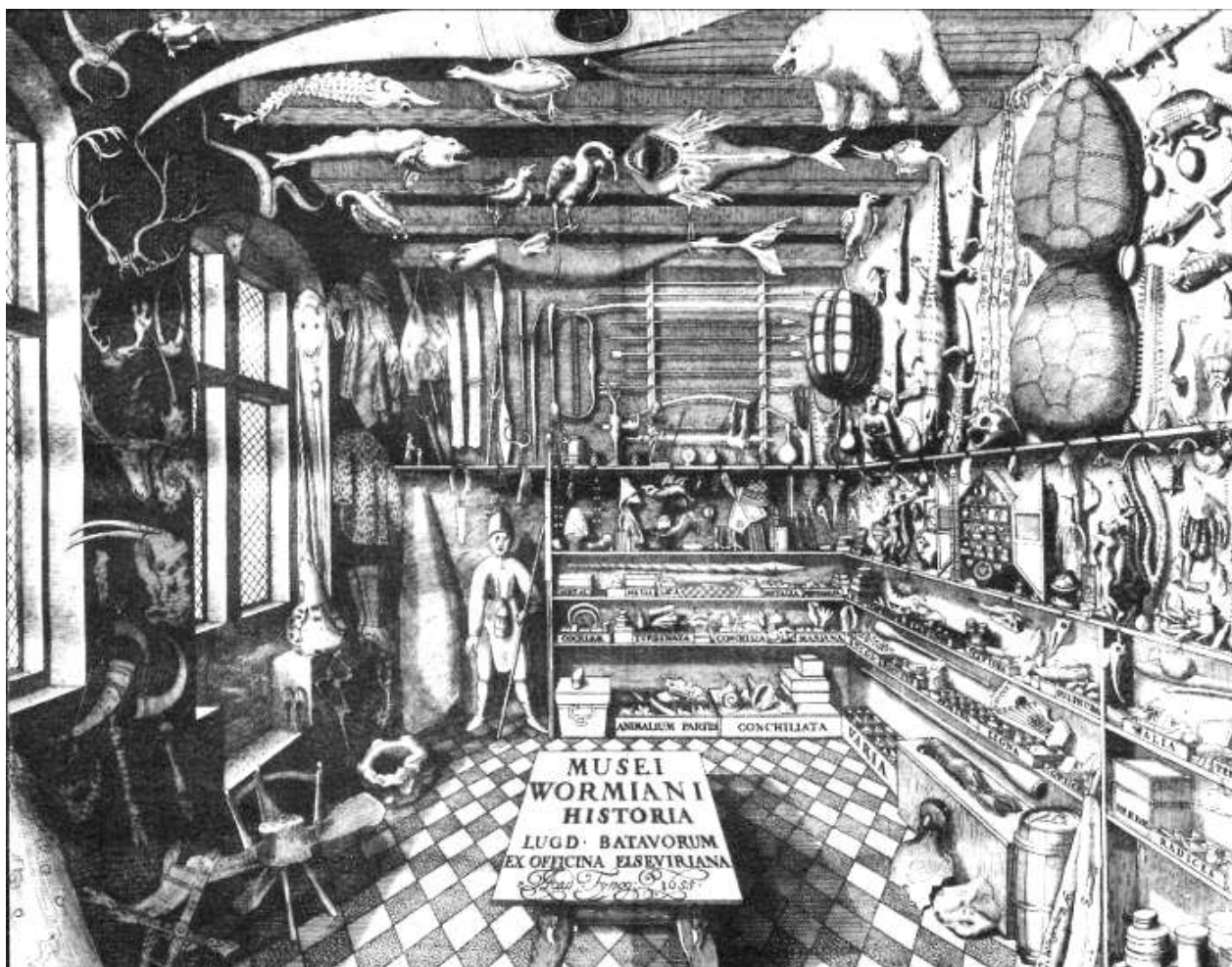
Во второй половине столетия в практике естественно-научного коллекционирования появились новые представления о том, каким должно быть научное собрание. Высказываясь по этому поводу, граф Луиджи Марсилли, например, резко выступал против сме-

шения природных объектов и «творений рук человеческих», заявляя, что подобные энциклопедические коллекции «служат скорее для услаждения юношей и восхищения женщин и людей несведущих, нежели помогают ученым в познании мира природы». Создав в Болонье специализированный кабинет с исключительно естественно-научными образцами, он видел в нем прежде всего рабочий инструмент для познания мира природы²⁴. Логическим продолжением концепции Марсильи стало и положение о том, что любой объект природы, даже самый обычный и заурядный, имеет важность и значение, следовательно, может и должен быть представлен в кабинете. Таким образом, в качестве критерия ценности естественно-научного собрания постепенно начинали выступать уже не редкость образцов или их обилие, а систематизация и полнота определенных групп представленных природных объектов.

Вместе с тем гораздо более типичными для того времени продолжали оставаться кабинеты, включавшие наряду с минералами, образцами животного и растительного мира также этнографические материалы, инструменты, а порой даже древности и произведения искусства. Об этом, в частности, свидетельствует знаменитый трактат «Музеография», опубликованный в Лейпциге в 1727 г.²⁵. Его автор, гамбургский дилер Каспар Найкель, дал советы начинающим коллекционерам по уходу за собранием, рассказал о возможных источниках его пополнения, изложил основные принципы классификации и экспонирования собранного материала. Найкель делил коллекционные образцы на две категории — «натуралии», или редкости природного происхождения, и «артифициалии» — редкости, созданные руками человека. Для их экспонирования он рекомендовал поместить вдоль двух сплошных стен кабинета шесть полок. Верхняя полка на одной из стен предназначалась для размещения скелетов, мумий и различных анатомических образцов, нижние полки — для чучел, фрагментов животных и рыб, а также минералов. Полки на противоположной стене Найкель рекомендовал использовать для экспонирования «творений рук человеческих», при этом древние предметы советовал отделять от современных. Пространство над полками отводилось портретам знаменитых людей, а в простенках между окнами на противоположной от входа стене Найкель предлагал размещать шкафы с монетами — мюнцкабинеты.

Фронтиспис фолианта «Museum Wormianum», изданного в Копенгагене в 1655 г., и сегодня дает нам возможность получить визуальное представление о подобном собрании. Это кабинет копенгагенского врача Оле (Олафа) Ворма (1588 –1654), созданный в 1621 г. и считающийся первым естественно-научным кабинетом Дании. Его интерьер составляли чучела экзотических рыб, птиц, полярного медведя, крокодила, черепах, ящериц и прочих рептилий, свешивающиеся с потолка или закрепленные на плоскости одной из стен. Под

ними протянулись длинные ряды полок, тесно заставленных лотками с естественно-научными образцами, предметами этнографического характера и мелкой пластикой. Простенки между окнами от потолка до пола были увешаны рогами животных, в том числе и художественно обработанными, а один из углов кабинета занимала домашняя утварь и одежда неевропейских народов.

Музей Олафа Ворма. Фронтиспис каталога коллекции. Копенгаген. 1655.

Такая неоднородность собраний с преобладанием редких и необычных образцов продолжала отличать многие естественно-научные кабинеты и во второй половине столетия, при этом он даже обретал новое обоснование в некоторых теоретических трудах. В 1670-е гг. шумный успех сопровождал появление работы иезуита Эмануэля Тезауро «*Capnochiale aristotelico*» («Подзорная труба Аристотеля»), в которой утверждалось, что все природные феномены и объекты — это «таинственные иероглифы» и «символические фигуры», содержащие в себе скрытый намек на определенную идею или ее образ. Этот постулат приобретал первостепенную важность, когда дело касалось кабинетов. Ведь если природа говорит метафорами, то естественно-научный кабинет должен в таком случае,

вобрав в себя всё их многообразие, стать энциклопедическим собранием и величайшей метафорой в мире.

Подобные идеи нашли, например, отражение в кабинете Манфреда Сетталы (1600–1680), названном в 1681 г. иезуитом-натуралистом Филиппом Бонанни «самым знаменитым среди [музеев] Италии по многообразию работ Природы и Искусства, хранившихся в нем»²⁶. Сын знаменитого врача-коллекционера и обладатель духовного сана, М. Сеттала создал в Милане кабинет, в избытке наполненный редкостями природы и разнообразными этнографическими диковинами, поступавшими к нему из дальних стран через разветвленную сеть католических миссионеров, а также научными инструментами и приборами, многие из которых были сконструированы по его собственным проектам. Считая себя учеником Э. Тезауро, он воспринимал свою коллекцию как некий остроумный текст, где каждый объект обладает скрытым значением и предназначен скорее удивлять зрителя, нежели его информировать.

Еще большую славу снискал в Италии аналогичный по характеру кабинет иезуита Атанасия Кирхера (1602–1680), профессора математики в Римском коллегииуме, выдающегося переводчика с древних и редких языков. Его исследованиям в области лингвистики, археологии, астрономии, магнетизма, китайской и египетской культур во многом способствовала богатейшая коллекция древностей, инструментов, природных и этнографических редкостей, занимавшая несколько комнат Коллегииума, декорация которых воспроизводила небесную и земную сферы. В отличие от Альдрованди, стремившегося к демистификации природы, Кирхер постигал ее как «божественно одухотворенный иероглиф», знак которого красовался на видном месте в его кабинете. Символ, как утверждал он, «ведет наш разум сквозь некий образ к пониманию чего-то весьма отличного от того, что предлагают сами вещи нашим внешним чувствам; их же свойства скрыты завесой тьмы». Система соответствий, которая связывает эти знаки, и создает «философию природы, как будто сама природа в виде шифров повсюду написала свои наставления»²⁷.

Включая в свои кабинеты наряду с природными образцами предметы этнографии, научные инструменты и произведения искусства, натуралисты видели в этом смешении те многообразие и противоречивость форм проявлений природных феноменов, которые, как им казалось, и составляют диалектику развития. Стремясь вслед за своими коллегами из предшествующей эпохи создать энциклопедию природы, коллекционеры, подобные Кирхеру, по-прежнему понимали свою деятельность как завершение работ Аристотеля и его последователей. Встречая резкую критику в свой адрес, они стремились приспособить методы новой философии Бэкона, Декарта и Галилея для модификации фундамента прежних натурфилософских воззрений и определяли музей как «местоположение критического

синтеза»²⁸. На словах соглашаясь с Бэконом, что именно опыт дает возможность получить достоверное знание о природе, они, тем не менее, до конца так и не смогли осознать и оценить разрыв мыслителя с древними авторитетами. В их кабинетах натуральной истории мало что соотносилось с экспериментальными методами новой науки. Напротив, независимо от воли владельца они становились своего рода щитом и убежищем от экспериментальной философии, разрушающей цели и методы естественной истории в том их виде, в каком они существовали со времен Аристотеля и Плиния.

В сложную и противоречивую эпоху научной революции различные по характеру исследовательские подходы переплетались самым запутанным и невероятным образом. Четкой грани между отдельными научными дисциплинами и умозрительными магико-астрологическими рассуждениями просто не существовало. Астрология и астрономия, магия и медицина, алхимия и естественные науки тесно взаимодействовали между собой, и многие ученые свободно переходили от экспериментальных исследований к той практике, которую по современным критериям нельзя отнести к научной. В этой связи достаточно напомнить, что Коперник занимался не только астрономией, но и медициной, опираясь при этом на теорию влияния звезд, Галилей и Кеплер составляли гороскопы, имевшие большой успех, а Тихо Браге был убежден, что звезды оказывают влияние на ход истории и события в жизни человека. Сам образ «ученого» той поры создавался не только и не столько университетскими профессорами, ведь исследование мира природы стало профессией для врачей и аптекарей, «ученый досуг» вошел в моду среди патрициев, а участие в научных обществах было доступно многочисленным дилетантам и «любопытствующим».

Таким образом, в культурном контексте XVII столетия могли сосуществовать и существовали различные формы знания — старые и новые, профессиональные и любительские, сакральные и светские, оккультные и научные. Новое представление о знании и эмпирические теории набирали силу лишь постепенно, шаг за шагом отторгая магическое мышление и вытесняя из научного обихода идеи, пришедшие из далекого прошлого. Процесс рождения экспериментальной науки был долгим и мучительным, в нем тесно взаимодействовали алхимия и астрология, мистика и магия, герметическая и каббалистическая традиции. Этот симбиоз накладывал явственный отпечаток и на образ науки, и на ее специфические институты, в том числе и естественно-научные кабинеты. По меткому определению П. Файндлин, «музей был одновременно предшественником новых экспериментальных подходов... и вотчиной аристотелевских изречений и магов, создающих секреты в своих лабораториях. Стоя на перекрестке между этими двумя несхожими научными культурами, музей обеспечивал общее для всех пространство»²⁹.

Разнородный сплав концепций и идей, в котором «рациональное» и экспериментальное начало тесно соединялось с магическими, мистическими и оккультными ответвлениями науки, лежал в основе многих естественно-научных кабинетов XVII столетия. Результаты новых исследовательских подходов и достижения научно-технической революции часто сочетались с далеко не научными принципами организации и показа коллекций, наглядным свидетельством чему могут служить анатомические театры и анатомические кабинеты, получившие особенно широкое распространение с середины столетия.

Бурный рост анатомических исследований начался еще в XVI в., когда по Европе тысячами тиражами разошлась работа падуанского профессора Андреаса Везалия «О строении человеческого тела» (1543), положившая начало ниспровержению господствовавшего на протяжении почти пятнадцати столетий авторитета Клавдия Галена. Труды М. Сервета, Г. Фаллопия, Б. Евстахия, А. Чезальпино и других исследователей того времени, внося свою лепту в развенчание древних авторитетов, закладывали фундамент современной медицины и способствовали появлению крупнейших открытий в области биологии.

Интерес к строению животных и человеческого тела, развитие анатомических исследований, появление технических новшеств в области консервации органических материалов и распространение культуры эксперимента находили свое закономерное отражение в практике естественно-научного коллекционирования. С середины XVI в. в кабинетах натуральной истории все чаще начинают проводиться анатомические вскрытия птиц и животных в присутствии врачей, аптекарей, естествоиспытателей, «любопытствующих» и знатных особ.

В XVII столетии анатомия превращается в модное занятие, и высокооплачиваемое мастерство консервирования целых животных и препаратов отдельных органов развивается весьма успешно. Появляются кабинеты, специализирующиеся на сборе и показе анатомических препаратов. Наряду с действительно ценными экспонатами, имевшими большое познавательное и просветительное значение, в них нередко демонстрировались образцы и целые экспозиционные комплексы, не имеющие к науке никакого отношения. Например, в одной из аптек Аугсбурга наряду с богатой минералогической коллекцией демонстрировались мумифицированные головы убитых турков, на многих из которых насчитывалось «ран по двадцати, на иных и более»³⁰. Особым спросом пользовалась и человеческая кожа. В отдельных трактатах по анатомии приводились даже рецепты ее обработки и выделки, при этом утверждалось, что пояса из нее служат хорошим средством против судорог, эпилепсии и истерии. И это еще раз подтверждает тот факт, что вплоть до конца столетия

прогрессивные идеи в области анатомии причудливо сочетались с архаичными представлениями, заимствованными из арсенала средневековой медицины.

Живой интерес в ту эпоху вызывали анатомические театры, где производились публичные вскрытия и демонстрировались посетителям скелеты людей и животных, а также анатомические препараты. Во второй половине XVII в. особой известностью пользовалось собрание Лейденского анатомического театра, в котором, согласно каталогу 1691 г., демонстрировались такие экспозиционные комплексы: сидящий верхом на скелете осла скелет женщины, убившей свою дочь; скелет человека, казненного за воровство скота, посаженный на скелет быка; повешенный скелет молодого вора. Посетителям показывали и различные анатомические препараты, изготовленные известным анатомом Бильсом³¹. Тот факт, что экспонируемые останки принадлежали людям исключительно с уголовным прошлым, объясняется прежде всего тем, что до XVIII в. основным материалом для анатомических вскрытий служили тела казненных людей.

Скелеты преступников, наряженные и восседающие на скелетах различных животных, занимали одно из центральных мест и в анатомическом театре Амстердама. Но гордость голландской столицы составлял лучший в Европе анатомический кабинет, принадлежавший выдающемуся анатому и бальзамировщику Фредерику Рюйшу (1638–1731). Начав свою карьеру со скромного ученика аптекаря, Рюйш затем стал врачом, получил звание профессора анатомии и ботаники. Выполняя обязанности судебного медика, он имел доступ к телам казненных преступников и жертв преступлений, следовательно, обладал постоянным источником для пополнения своих коллекций.

Особую известность принесли ему так называемые «инъекции кровеносных сосудов», получившие название «рюйшевского искусства». Этот способ, открытый еще в предшествующем столетии и доведенный Рюйшем до совершенства, состоял в том, что сосуды наполнялись различно окрашенными жидкостями и расплавленным воском, а инъецированный орган вымачивался в воде для разрушения соединительной ткани (паренхимы). В итоге оставались неповрежденные кровеносные сосуды, наполненные затвердевшим цветным составом. Предполагалось, что они будут наглядно демонстрировать строение внутренних органов. И действительно, сосуды некоторых органов, например почек, становились твердыми, сохраняя пространственные соотношения. Большинство же других, из-за недостаточной прочности наполнявшей их массы, имели вид висячей грозди и могли свидетельствовать лишь о многочисленности кровеносных сосудов в органах, но не об их расположении³².

Инъекции кровеносных сосудов составляли лишь одну из сторон деятельности Рюйша. Еще большую славу он снискал на поприще бальзамировщика. О его искусстве

ходили легенды; считали, что он обладал каким-то особым секретом консервации, тайну которого унес с собой в могилу. И действительно, равных ему не было ни при его долгой жизни, ни в течение двух последующих столетий. Он умел сохранять естественный цвет кожи со всеми индивидуальными прижизненными особенностями — родимыми пятнами, сыпями, например скарлатинозной, а забальзамированные им тела детей и взрослых производили впечатление спящих.

«Видел 50 телец младенческих в спиртах от многих лет нетленны. Видел мужское и женское четырех лет возраста нетленны и кровь знать, глаза целы и телеса мягки, а лежат без спиртов...», — писал о посещении кабинета неизвестный современник Петра I³³.

Огромная сравнительно-анатомическая коллекция Рюйша включала заспиртованные и мумифицированные части тела, препараты мозга и его оболочек, органов чувств и пищеварения, сердца, легких и мочеполовой системы, а также препараты плодов, демонстрирующие внутриутробный период развития человека. Украшением коллекции считались заспиртованные детские головки со вскрытой черепной коробкой, большинство из которых и в последующие столетия продолжали сохранять живой оттенок губ и кожи с румянцем на щеках, а стеклянные глаза усиливали эффект естественности.

Кроме анатомических препаратов в кабинете Рюйша демонстрировалась богатая коллекция засушенных растений, насекомых, редких рептилий и птиц. В банках, украшенных различными флористическими композициями, хранились и экспонировались законсервированные животные.

Стремясь показать научную ценность экспонируемых коллекций, Рюйш составлял и публиковал их каталоги, где детально описывал наиболее интересные образцы, а к извлеченным из мочевых или желчных путей камням прилагал запись клинической истории болезни. В качестве ученого и анатома Рюйш снискал противоречивые оценки, но при всем разбросе существующих мнений нельзя не признать, что среди своих современников он, как никто другой, содействовал популяризации анатомии и естественных наук. Не случайно Академия естествоиспытателей в Германии, Лондонское Королевское общество и Королевская Академия наук в Париже удостоили его звания своего члена.

Вместе с тем принципы, использовавшиеся Рюйшем при экспонировании собрания, по современным меркам никак нельзя назвать научными. Образцы коллекции группировали «занимательно» и снабжали дополнительными аксессуарами, чтобы они выглядели эстетично. Например, препараты детских ручек или ножек в месте отреза от тела драпировали тканью или батистовыми рукавичками и кружевными манжетами. Плоды в эмбриологических композициях украшали цветами, веночками, крошечными свечками,

бисерными браслетами и поясами. Очень маленькие плоды и препараты, демонстрирующие болезни органов человека, например, часть деформированной печени или сердца, экспонировались на ладонях детских ручек.

*Анатомо-поэтическая композиция Рюйша. Гравюра. Начало 1700-х гг.
Композиция составлена из детских скелетов и сухих препаратов, размещенных на горке из патологических камней человеческого организма.*

Особенно сложными и фантастическими были композиции, создававшиеся из детских скелетов и сухих препаратов. Они обычно монтировались на небольшой горке из патологических камней человеческого организма, при этом скелеты размещались в позах, изображающих скорбь, игру на скрипке и т.п. Стремясь придать им некое философское содержание, Рюйш сопровождал свои «анатомо-поэтические» композиции назидательными сентенциями на латинском языке о бренности всего живого, о быстротечности времени, о человеческой скорби и страданиях.

Сохранились описания некоторых композиций Рюйша:

«Человеческий плод, примерно семи недель, который схвачен маленькой восточной змеей, трехмесячный плод мужского пола в пасти ядовитейшего животного, называемого жителями восточной Индии чекко <...> лежащий в гробнице труп человеческого плода 6 месяцев, украшенный венком из цветов и естественных плодов и букетом, запах которого он как бы вздыхает». Из черепа скелета человеческого плода, сидящего в гроте, выглядывает скелет мыши. Два скелета близнецов — семимесячных плодов размещены

в трогательных позах у гроба третьего, при этом «один подносит к лицу внутренности живота, как бы вытирая слезы, другой несет в правой руке кусок кишки, а в левой артериальную ветку, вынутую из селезенки»³⁴.

Кабинет Рюйша занимал в его доме пять комнат и два раза в неделю был открыт за плату для желающих его осмотреть. Свои автографы в книге посетителей оставляли многие именитые особы, а в 1698 г. визит нанес русский царь Петр I. Собрание произвело на него неизгладимое впечатление, и после длительных переговоров и переписки с Рюйшем во время своего повторного приезда в Амстердам в 1716 г. он приобрел его за баснословную по тем временам сумму в 30 тыс. гульденов (50 тыс. флоринов). Привезенные в Петербург коллекции содержали более 2000 препаратов по эмбриологии и анатомии человека, 1179 банок с заспиртованными животными, причем отдельные емкости включали несколько мелких экземпляров, 277 сухих препаратов — чучел, раковин и т. п.³⁵

Расставшись почти со всем своим собранием, 78-летний Рюйш, несмотря на возраст, вскоре составил еще одно и пытался продать его сначала России, а затем Парижской академии наук. Но сделка так и не состоялась; после смерти анатома все собранные им препараты были распроданы с аукциона и разошлись по разным собраниям, прежде всего на его родине в Голландии. Спустя столетие лишь единичные экземпляры рюйшевского собрания украшали экспозиции западноевропейских музеев, а в наиболее полном и целостном виде мастерство великого бальзамировщика демонстрировали только коллекции, оказавшиеся в России. В середине XX столетия свыше 900 анатомических препаратов из некогда приобретенного Петром I прославленного кабинета, продолжали храниться в экспозиции и фондах Музея антропологии и этнографии в Ленинграде³⁶.

Век частных кабинетов, как правило, был недолгим, и после смерти владельца их содержимое рассеивалось по свету. Неудивительно, что некоторые из собирателей, сделавшие коллекционирование смыслом всей жизни, завещали свои собрания университетам, научным обществам и другим корпоративным организациям, стремясь тем самым сохранить свое детище и продлить ему жизнь. В 1603 г. У. Альдрованди заключил соглашение с Сенатом Болоньи, что после смерти естествоиспытателя созданный им кабинет будет перенесен в Палаццо Публико, где заседало правительство города. В 1657 г. к нему был присоединен кабинет Фердинанда Коспи, хотя формально эта коллекция была подарена городу спустя десять лет. В конце XVIII столетия оба собрания вошли в состав Института науки, и сегодня их остатки можно видеть в отдельной комнате университетской библиотеки в Болонье. Оле Ворм завещал свой копенгагенский кабинет королю Фредерику III, который сначала включил его в состав своей кунсткамеры, а затем поместил в специальное здание — крыло Морского арсенала.

В 1683 г. в результате одного из частных пожертвований в Оксфордском университете появился музей, который принято считать первым европейским естественнонаучным публичным музеем. У истоков его создания стояли садовники Трейдесканты, отец и сын. Джон Трейдескант-старший, занимаясь разбивкой садов для короля Карла I и английских вельмож, в поисках редких и красивых растений ездил не только в соседние страны, но даже в Россию, Алжир и Турцию, попутно привозя и для себя экзотические экземпляры и различные раритеты. Его дом в окрестностях Лондона, прозванный «Ковчег Трейдесканта», славился своим великолепным садом и богатейшим кабинетом редкостей, где многие желающие могли лицезреть образцы экзотической флоры и фауны, геммы, минералы, монеты, медали, оружие, картины, этнографические материалы из многих регионов мира.

В 1656 г. под названием «Музей Трейдескантов» (Museum Tradescantium)³⁷ увидел свет первый каталог кабинета. Составлять его и систематизировать коллекцию Джону Трейдесканту-младшему помогал его друг Элиас Ашмол, юрист и коллекционер, которому Джон и его вторая супруга спустя три года подписали дарственную на кабинет. Однако, согласно завещанию Джона, умершего в 1662 г., его вдова оставалась пожизненной владелицей кабинета, при условии, что она передаст или завещает его Кембриджскому или Оксфордскому университетам. Эта коллизия после судебных тяжб со вдовой, которую Ашмол уличал в попытках распродать часть собрания, в конечном итоге разрешилась в его пользу. Получив кабинет, Ашмол добавил к нему свое собственное собрание книг и нумизматики и передал его в 1667 г. Оксфорду на условиях размещения коллекций в отдельном помещении.

Университет присоединил к музею химическую лабораторию и библиотеку, и после окончания строительных работ в мае 1683 г. в торжественной обстановке состоялось открытие музея, несколько позже получившего название «Музей Ашмола» (Ashmolean museum), хотя, возможно, справедливее было бы именовать его «Музеем Трейдескантов». Он разместился на верхнем этаже нового здания химической лаборатории, а этажом ниже располагалась естественно-научная школа. В составе организованных групп и за небольшую плату посещать музей могли все желающие, а трижды в неделю в музее читались лекции по химии³⁸. В «Статусе, порядке и правилах» музея, изданных в 1686 г., указывалось, что он существует «для развития естественно-научных знаний на основе фактов, а не спекулятивных построений, с целью обучения студентов и проведения научных исследований и экспериментов, в особенности тех, которые полезны для развития Медицины, Промышленности и Торговли»³⁹.

Надо признать, что коллекционирование и кабинеты натуральной истории сами по себе не совершили всеобъемлющего переворота в науке, но они внесли свой вклад в изме-

нение представлений о научном поиске, о человеке науки, о взаимоотношениях между наукой и философией, научным знанием и религиозной верой, наукой и обществом. Изучая и осмысливая содержимое кабинетов, естествоиспытатели постепенно проникались осознанием того, что натурфилософское исследование должно создаваться на основе не абстрактных построений, а визуального и тактильного постижения мира материальной культуры, то есть на основе чувственного опыта и эксперимента.

Демонстрация коллекционных предметов и предоставление возможности их осмотра коллегам и любителям, обмен мнениями профессионалов в стенах кабинетов постепенно формировали представление о знании, как о научной конструкции, создаваемой сотрудничеством умов и доступной для дальнейшего усовершенствования. Будучи хранилищами образцов природы и центрами научной культуры, кабинеты стали для посещавшей их многоликой аудитории своего рода проводниками в мир натуральной истории и натурфилософии, ведь в отличие от книг они говорили гораздо более доступным для восприятия языком предметов.

Примечания

¹ О размещении коллекционных образцов в определенных типах архитектурных строений см. например: Pevsner, Sir Nicolaus. *A History of Building Types*. New York, 1976. P. 111–138. Bazin G. *The Museum Age*. Brussels. 1967. P. 129–130.

² Подробнее о составе и принципах организации западноевропейских кабинетов редкостей см.: . Menzhausen J. *Electoral Augustus's Kunstkammer: An Analysis of the Inventory of 1587 // The Origins of Museums. The Cabinet of Curiosities in the Sixteenth and Seventeenth Century Europe*. Ed. by Impey, Oliver and MacGregor, Arthur. Oxford, 1985. P. 69–74; Seelig L. *The Munich Kunstkammer, 1565–1807 // Ibidem*. P. 76–89; Scheicher E. *The Collections of Archduke Ferdinand II at Schloss Ambrass, Its Purpose, Composition and Evolution // Ibidem*. P. 29–38. Fucikova E. *The Collection of Rudolf II at Prague: Cabinet of Curiosity or Scientific museum? // Ibidem*. P. 49–53. Куклинова И. А. Кабинеты во Франции в XVI–XVII веках // *Музей в современной культуре: Сб. науч. тр. / Санкт-Петербургская Академия культуры*. Т.147. СПб., 1997. С. 313–314. Махо О.Г. Студиоло Франческо I Медичи – поздне-ренессансная трансформация идеи правителя-гуманиста // *Культура Возрождения XVI в. М., 1997*. С. 259–266.

³ Bazin G. *Op. cit.* P. 46.

⁴ Об этом см., например: Fucikova E. *Op. cit.* P. 51.

⁵ Findlen P. *Possessing Nature: Museums, Collecting and Scientific Culture in Early Modern Italy*. California, 1996. P. 246–247.

⁶ Часть этого собрания и сейчас хранится в Музее естественной истории г. Базеля.

⁷ Об этих и аналогичных собраниях подробнее см.: Murray, David. *Museums. Their History and their Use*. Glasgow, 1904. P. 24–26.

⁸ Bazin G. *Op. cit.* P. 62.

⁹ Olmi G. *Science — Honour — Metaphor: Italian Cabinets of the Sixteenth and Seventeenth Centuries // The Origin of Museums*. P. 8.

¹⁰ *Ibidem*. P. 7.

¹¹ Findlen P. *Op. cit.* P. 28.

¹² См., например, описание кабинета Антонио Джиганти в Болонье: Laurencich-Minelli L. *Museography and Ethnographical Collections in Bologna // The Origin of Museums*. P. 19.

¹³ Цит. по: Findlen P. *Op. cit.* P. 30.

¹⁴ Findlen P. *Op. cit.* P. 129–130. Об аналогичных условиях посещения французских кабинетов см.: Куклинова И. А. *Указ. соч.* С. 311–312.

- ¹⁵ Findlen P. Op. cit. P. 134.
- ¹⁶ Ibidem. P. 143.
- ¹⁷ Ibidem, P. 140–141, 145.
- ¹⁸ Ibidem. P. 4–5.
- ¹⁹ Академия была воссоздана в 1795 г. С 1920 г. стала называться Национальной Академией деи Линчеи.
- ²⁰ Цит. по: Реале Дж., Антисари Д. Западная философия от истоков до наших дней. М., 1996. Т. 3. С. 156.
- ²¹ Об этом подробнее см. Зубов В. П. К трехсотлетию Академии опытов во Флоренции (1657 – 1667) // Вестник мировой культуры. 1957. № 3. С. 47 – 53.
- ²² В настоящее время свыше 200 предметов из этой коллекции хранится в Музее истории науки во Флоренции.
- ²³ Левинсон-Лессинг В.Ф. Первое путешествие Петра I за границу // Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа. Л., 1985. С. 324–325.
- ²⁴ Olmi, G. Op. cit. P. 15.
- ²⁵ Neickelio C. P. Museographia oder Anleitung zum Rechtenbegriff und nützliche Anlegung der Museorum oder Raritätenkammern, darinnen gehandelt wird. Leipzig, 1727.
- ²⁶ Findlen P. Op. cit. P. 34.
- ²⁷ Цит по: Findlen P. Op. cit. P. 84.
- ²⁸ Findlen P. Op. cit. P. 5.
- ²⁹ Ibidem. P. 10.
- ³⁰ Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.-Л., 1953. С. 16.
- ³¹ Левинсон-Лессинг В.Ф. Указ соч. С. 319.
- ³² Препараты сосудов, сохраняющих свое взаимное расположение, научились создавать только в XVIII в.
- ³³ Там же. С. 317.
- ³⁴ Станюкович Т.В. Указ. соч. С.43.
- ³⁵ Гинсбург В.В. Анатомическая коллекция Рюйша в собраниях Петровской Кунсткамеры // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XIV. М.-Л., 1953. С. 294.
- ³⁶ Там же. С. 298.
- ³⁷ По мнению исследователей, это первый письменно зафиксированный случай употребления в Англии слова «музей» в его современном значении. См. например, Lewis G.D. Collections, collectors and museums in Britain to 1920 // Manual of Curatorship. A Guide to Museum Practice. Ed. Thompson, J.M. London, 1984. P. 24.
- ³⁸ Alexander E. P. Alexander, E. P. Museums in Motions: an Introduction to the History and Functions of Museums. Nashville, 1979. P. 42–44.
- ³⁹ Цит. по: Кузьмина Е. Е. Национальная культурная политика Великобритании и музей. М., 1992. С. 10.